

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР -

КОМКОРУ - Ф Р И Н О В С К О М У

От арестованного ХАХАНЬЯНА
Григория Давыдовича.

З А Я В Л Е Н И Е

Я был арестован в Москве в феврале текущего 1938 г. После того, как я дал в Москве следствию чистосердечные показания о своей подрывной и шпионской работе, как участника право-троцкистской организации в Комиссии Советского Контроля и как участника военно-заговорщической организации, как за время своей работы в Комиссии Советского Контроля, так и за время своей работы в ОКДВА - я был этапом направлен и прибыл в Хабаровск.

Здесь я дополнил свои показания изложением целого ряда фактов из области вредительской деятельности заговорщиков ОКДВА.

В связи с этим мне следствием был поставлен вопрос о том, каким образом военные заговорщики могли развернуть так широко и вести так безнаказанно свою подрывную работу в частях ОКДВА.

После того, как я решил на следствии вскрыть правдиво всю преступную деятельность, проводившуюся мною и моими сообщниками по заговору, не желая кривить душой,

хочу ответить и на этот вопрос следствию правдиво.

В своих показаниях здесь в Хабаровске, я заявил, что действительно в ОКДВА, не только в руководящих органах ее (штаб, политуправление, отделы), но также и в некоторых корпусах, дивизиях, укрепленных районах, авиационных и механизированных бригадах, на отдельных участках войскового строительства свили гнездо участники нашей организации - вредители и японские шпионы, которые вели свою подрывную работу в весьма широких размерах.

В продолжении долгого времени заговорщики в ОКДВА могли проводить так свою подрывную работу только потому, что они умело и ловко скрывались за широкой спиной командующего ОКДВА Маршала Советского Союза БЛЮХЕРА, используя его бездеятельность, во всей работе по руководству ОКДВА, его отрыв от жизни и подготовки частей ОКДВА, играя на чрезмерном честолюбии, свойственном БЛЮХЕРУ, и пользуясь несомненным внутренним политическим сочувствием со стороны БЛЮХЕРА антисоветским целям нашей военно-заговорщической организации, сочувствием, которое внешне им скрывалось.

В свете всего этого я считаю необходимым самым детальным образом, на конкретных фактах и характеристике действий БЛЮХЕРА обосновать этот мой ответ.

В декабре 1936 года я был назначен начальником политуправления, а впоследствии членом Военного Совета ОКДВА. Прибыв в конце января 1937 года в Хабаровск -

я по заданию ГАМАРНИКА связался с АРОНШТАМОМ, как заговорщиком.

Уже АРОНШТАМ, информируя меня о состоянии и работе военно-заговорщической организации ОКДВА, заявил мне, что БЛЮХЕР по существу не мешает и даже внутренне политически нам сочувствует. АРОНШТАМ дал подробную характеристику БЛЮХЕРА, как человека и как командующего заявив, при этом, что наша заговорщическая организация широко пользуется бездеятельностью БЛЮХЕРА, его пьянством и невыходами на работу по целому месяцу. "Его легко использовать, сказал мне АРОНШТАМ, - он ни во что не вникает, вопросов неделями не решает, своим чрезмерно грубым солдафонским отношением, отталкивает от себя сотрудников штаба, которые охотно ориентируются, поэтому на меня и на САНГУРСКОГО. Все это развязывает нам руки и фактически вершителями дел в ОКДВА являемся мы".

"Конечно, лучше было бы иметь своего командующего, например, УБОРЕВИЧА - говорил АРОНШТАМ. Но такая замена, видимо, пока невозможна; пока же мы умело пользуемся и придется пользоваться в дальнейшем вот этими особенностями БЛЮХЕРА".

Я узнал так-же и от других работников, что БЛЮХЕР действительно часто запивал, неделями и месяцами не выходил на работу в штаб, установил обычай принимать доклады у себя на квартире и то ограниченного количества лиц

и таким образом, представлял возможность заговорщикам хозяйничать в руководящем аппарате ОКДВА, решать многие вопросы в интересах военно-заговорщической организации, захватывать аппарат штаба ОКДВА в свои руки путем вербовки его сотрудников.

По возвращении БЛЮХЕРА из Москвы в январе 1937 года после полученной в ЦК ВКП(б) головомойки он перестал пить и стал аккуратно выходить на работу в штаб, нередко засиживаясь до поздних часов в штабе. Ясно, что его более аккуратное пребывание в штабе должно было вынудить его ~~ближе~~ заниматься вопросами руководства ОКДВА. В первое время получился внешний эффект кипучей деятельности БЛЮХЕРА по руководству армией и я уже опасался, что такое "преображение" БЛЮХЕРА может в сильной степени затруднить подрывную работу нашу заговорщиков, может стеснить нашу антисоветскую деятельность и даже может привести к разоблачению и устранению наших людей, находящихся на руководящей работе ОКДВА.

Однако, изучая более пристально характер работы БЛЮХЕРА я пришел к убеждению, что все это - только показная сторона, как раз то, что бросается в первую очередь в глаза; я убедился, что те существенные характерные черты в работе и руководстве БЛЮХЕРА, которые нами - заговорщиками использовались в своих целях продолжают иметь место и могут быть использованы в дальнейшем с прежним успехом.

Более того, из о б о л е е близкого общения с БЛЮ-

ХЕРОМ я лишний раз убедился, что несоветский политический дух БЛЮХЕРА, о котором рассказывали мне, действительно на лицо и БЛЮХЕР по-прежнему внутренне, скрытно будет сочувствовать нам. Я убедился, что бездеятельность БЛЮХЕРА, фактически пассивность его руководства армией, полный отрыв и непосещение частей армии, высокомерно-барское отношение, при том издевательски-грубое, к своим ближайшим помощникам, что все это базируется именно на несоветском политическом нутре БЛЮХЕРА и поэтому эти черты его характера и его деятельности не являются случайными, а органически присущими БЛЮХЕРУ, почему нам заговорщикам нечего бояться БЛЮХЕРА.

БЛЮХЕР является очень своеобразным человеком, весь проникнутый противоречиями в его характере и деятельности. Я вскоре убедился, что эти противоречия проистекают из двойственного характера его лица, что есть у него внутреннее, скрытое от других лицо, и лицо внешнее, рассчитанное на показ. Так например, внутренне он большой барин и сибарит, высокомерно честолюбив и самовлюблен, тогда как он способен проявить внешне демократизм и демагогические приемы в весьма топорной форме. Особенно скрытым является политическое лицо БЛЮХЕРА; он весьма осторожен и хитер, избегает высказывать в более или менее определенной форме свои политические убеждения. Только постоянное, повседневное, близкое соприкосновение с ним на работе и в быту, а такое соприкосновение мне, как раз и удалось установить, дает возможность почувствовать, угадать его политическую

физиономию на основе его поведения, отдельных коротких разговоров, реплик и т.д.

Сильнейшее честолюбие и стремление быть провознесенным до небес вождем, — основная характерная черта БЛЮХЕРА. Но каким вождем. БЛЮХЕР неоднократно показывал мне иностранные и иллюстрированные журналы, с завистью концентрируя мое внимание на многочисленных фотографиях, на которых в разных позах, на парадах и на трибунах изображался МУССОЛИНИ или ГИТЛЕР. БЛЮХЕР сам становясь в величавые позы, ударял рукой по этим фотографиям и говорил: "А здорово они умеют". Он выражал свое восхищение фашистскими парадами и демонстрациями, обращая мое внимание на величественные позы МУССОЛИНИ, говорил мне, что вот, де как, народ приветствует своего вождя, и я ясно ощущал прорывающуюся наружу зависть БЛЮХЕРА и честолюбивые мечты его быть подобным вождем.

В своих рассказах о своем пребывании в Китае БЛЮХЕР любил распространяться главным образом о том, эффекте и почете, каким он, якобы, пользовался там; говорил с большой гордостью о том, что его в Китае в то время признавали наравне с ЧАН-КАЙ-ШИ. О последнем БЛЮХЕР отзывался с нескрываемой симпатией, как о решительном вожде фашистского типа, сумевшем твердой рукой утвердить свое господство. В своих рассказах БЛЮХЕР всегда гордился своей близостью к ЧАН-КАЙ-ШИ, говорил о той исключительной симпатии, с какой последний относился к БЛЮХЕРУ. БЛЮХЕР в подтверждение приводил случай,

когда несмотря на совершившийся разрыв с ЧАН-КАЙ-ШИ, этот последний все так же имел свидание с БЛЮХЕРОМ в районе Шанхая при его возвращении в СССР, через Японию; на этом свидании ЧАН-КАЙ-ШИ очень тепло проводил БЛЮХЕРА.

Вообще, БЛЮХЕР с большой охотой и гордостью рассказывает о бывших своих близких связях с руководящими лицами Гоминдана, он неоднократно говорил, что хорошее отношение этих лиц к нему сохранилось до сих пор. Действительно, когда приехал в Хабаровск б. военный атташе в Китае ЛЕПИН, то при мне в штабе ОКДВА он передал БЛЮХЕРУ приветы со стороны ряда лиц из разных кругов гоминдановского руководства; для более подробной беседы БЛЮХЕР пригласил ЛЕПИНА к себе на квартиру, куда они и уехали.

Про китайский народ периода северного похода я от БЛЮХЕРА не слышал других высказываний, как о "хорошем солдатском материале".

Из всех этих рассказов о своем пребывании в Китае и о своих связях с китайскими буржуазными руководителями я понял, что БЛЮХЕР оценивал очень высоко себя, как полководца и вождя, проверенного в этом отношении в Китае, и как бы сожалел о том, что он не имеет возможности оказаться хотя бы подобным ЧАН-КАЙ-ШИ, единолично вершащим все дела. Дальневосточные масштабы и дальневосточные условия явно не удовлетворяли БЛЮХЕРА, неоднократно у него прорывалась досада и недовольство тем, что он, де, замаринован на Дальнем Востоке, и что Дальний Восток является весьма узким полем деятельности для него, являющегося безусловно большой всесоюзной фигурой.

Выражались эти его настроения в том, что он подчеркнуто признавал только СТАЛИНА, хвастался тем, что в Москве мол, СТАЛИН и МОЛОТОВ почти слепо принимают все, что он предлагает для Дальнего Востока, хвастливо приписывал всю инициативу и все заслуги по индустриализации и укреплению обороноспособности Дальнего Востока себе.

БЛЮХЕР не признавал больше никаких авторитетов, ставя себя выше всех остальных. Он не был в состоянии скрывать неприязни к Наркому ВОРОШИЛОВУ, роль которого в деле укрепления обороноспособности Дальнего Востока он всегда обрисовывал, как тормозящую; по БЛЮХЕРУ получалось примерно так: БЛЮХЕР предлагает, ВОРОШИЛОВ противится, СТАЛИН решает, поддерживая БЛЮХЕРА.

Неприятное отношение БЛЮХЕРА к Наркому ВОРОШИЛОВУ в особо явной форме проявлялось при получении им от Наркома телеграмм с какими либо серьезными заданиями, особенно если телеграммы содержали некоторый надир.

В этих случаях задетое самолюбие БЛЮХЕРА выходило из себя, он кипятился, ругался, что Нарком, де, ненавидит, не любит его, БЛЮХЕРА, придирается к нему, не знает обстановки на Дальнем Востоке, подмахивает что подсовывают и т.д. Нередко БЛЮХЕР хватался за ручку с угрозой написать резкий ответ, требовать отставки и если, что его останавливало, так это не то, что он был неправ, а неясность для него, как ко всему этому отнесется СТАЛИН.

Все директивы Наркома БЛЮХЕР выполнял как любую очередную бумажку, ограничиваясь накладыванием резолюций и формальной отдачей соответствующего приказа, а не как к заданию особой важности, исходящему от самого Наркома.

Такое пренебрежительное отношение БЛЮХЕРА к выполнению директив Наркома ВОРОШИЛОВА, исходящее из неприязни к нему, безусловно было на руку нашей заговорщической организации и мы подогревали подобные настроения БЛЮХЕРА и пользовались ими.

Директивы Наркома получались, долго залеживали под сукном у БЛЮХЕРА, потом попадали в руки комунибудь из участников организации с резолюцией, составлялся формальный приказ, приказ подписывался БЛЮХЕРОМ с запозданием и этим все дело кончалось.

Такое "выполнение" директив Наркома ВОРОШИЛОВА соответствовало настроениям БЛЮХЕРА и было на руку нашей организации.

Для меня было совершенно ясно, что БЛЮХЕР считал себя более достойным кандидатом на пост Наркома обороны СССР. Из ряда бывших руководящих лиц Красной Армии БЛЮХЕР относился с известным уважением лишь к одному ЯКИРУ, остальных он высокомерно игнорировал. Недаром встречать новый 1937 год БЛЮХЕР поехал в своем вагоне из Москвы в Киев именно к ЯКИРУ. Я ни разу не слышал от БЛЮХЕРА какой-либо критики троцкистов или правых. Более того, когда БЛЮХЕР получил в 1937 году от ВОРОШИ-

ЛОВА шифровку с требованием дать об"яснение, почему РЫКОВУ в его бытность на Дальнем Востоке были устроены встречи в воинских частях, почему ему предоставлялась возможность посещать укрепрайоны и даже устраивались демонстративные учения и почему обо всем этом своевременно не было доложено ему Наркому, то БЛЮХЕР в первое время растерялся, не знал, что ответить и возмущался тем, что ВОРОШИЛОВ к нему пред"явил подобное требование.

БЛЮХЕР рассказал мне, что за все время пребывания РЫКОВА на Дальнем Востоке, он- БЛЮХЕР, ограничился приглашением РЫКОВА с узким кругом лиц к себе на дачу на обед. Я не знаю, как в действительности было организовано это приглашение и кто был инициатором, но в своем ответе на имя Наркома, БЛЮХЕР сослался на то, что приглашение к нему РЫКОВА, якобы, вынуждено настоянием ЛАВРЕНТЬЕВА.

В разговоре со мной БЛЮХЕР заявил, что РЫКОВ все-таки является Наркомом. Выражая определенную симпатию БЛЮХЕР говорил, что РЫКОВ является пожалуй самым умным человеком из бывших руководителей, что РЫКОВ является крупным государственным деятелем, особенно блестяще знающим вопросы хозяйственного строительства.

Из всех этих разговоров БЛЮХЕРА о РЫКОВЕ и об истории его пребывания на Дальнем Востоке я убедился, что БЛЮХЕР питает определенную симпатию к РЫКОВУ и вообще к правым.

Что это так - подтверждается и тем, что по получении телеграммы Наркома БЛЮХЕР не реагировал на это,

так как реагировал бы другой, вполне советский руководитель: он не произвел тщательного расследования случаев посещения РЫКОВЫМ военных частей, не наказал виновных инициаторов этого дела (хотя бы путем постановки вопроса о привлечении к партийной ответственности). Он политически никак не реагировал на полученную шифровку Наркома ВОРОШИЛОВА. Для меня лично всех приведенных фактов было достаточно для того, чтобы получить убеждение, что БЛЮХЕР несомненно не является сторонником партийной политики, что он проникнут мыслями и чувствами фашиствующего вождя типа Муссолини, что он мечтает о подобной своей роли, что политические симпатии БЛЮХЕРА принадлежат ближе всего правым.

Этот же непартийный дух БЛЮХЕРА подтверждается его высокомерно-барским отношением к своим подчиненным, даже ближайшим своим помощникам. Его отношение к сотрудникам штаба было всегда необычайно грубым, издевательским и безусловно восстанавливающим против себя. Особое внимание он обращал всегда на то, что бы каждый докладчик стоял вытянувшись в струнку, руки по швам; были случаи когда например, даже начальник штаба армии докладывал БЛЮХЕРУ и получал от него указания, стоя часами вытянувшись в струнку.

На доклады БЛЮХЕР реагировал, как правило, грубой и оскорбительной бранью, давал невнятные указания, иногда даже неслышные подчиненным, которые боялись переспросить Маршала и нередко уходили так и не с полно дослыванными его указаниями.

Все это не способствовало дружной работе в штабе и сколачиванию работников штаба вокруг основных оперативных задач, наоборот, на этой почве создавалась "разобщенность между работниками штаба, порождались безинициативность и безответственность; все это восстанавли-вало подчиненный комсостав штаба против БЛЮХЕРА и мы заговорщики пользовались этим для приближения обиженно-го комсостава к себе.

Я могу заявить определенно, что комсостав штаба, боясь БЛЮХЕРА, с большим удовольствием за разрешением вопросов шел к САНГУРСКОМУ, АРОНШТАМУ или ко мне, чем к БЛЮХЕРУ. Это давало нам возможность легче забирать в свои руки ряд таких вопросов, разрешение которых яв-лялось компетенцией командующего; облегчалось же это потому, что подчиненные непосредственно командующему работники штаба и отделов ОКДВА охотно выполняли наши указания, лишь бы избежать издевательств БЛЮХЕРА.

Из того же несоветского политического нутра БЛЮХЕРА вытекал и полный его отрыв от частей, от красноармей-ских масс. За все время моей совместной работы с БЛЮХЕ-РОМ (февраль-октябрь 1937 г.) он один единственный раз выезжал в части, в конце сентября 1937 года на совмест-ные маневры Тихоокеанского флота с частями 39 с.д. и то собирался он ехать туда с большим кряхтением и по-ехал с запозданием.

Мне рассказывали, что БЛЮХЕР не бывал в частях и в предыдущие годы. Такой отрыв БЛЮХЕРА от масс кр-цев и

комсостава, непосещение им частей было также на руку нашей заговорщической организации, так как БЛЮХЕР не мог видеть воочию даже явно бросающихся в глаза последний подрывной разрушительной работы заговорщиков и не мог на месте слышать даже соответствующих жалоб со стороны красноармейцев и командиров. Такое положение вещей придавало характер беззастенчивости, если можно так выразиться, - открытый (относительно конечно) характер контрреволюционной деятельности нашей заговорщической организации.

Многочисленный ряд фактов вполне иллюстрирует такое положение. Приведу только несколько примеров. Заговорщики строители при соучастии заговорщиков авиаторов (ЛАПИН, РУДЕНКО - быв.к-р. 50 АБ) построили в Бочкареве ангары для истребительной эскадрильи. Не говоря о том, что по своей конструкции ангары вредительские, они остались без дверей и без въездных дорожек, так что вводить туда самолеты было невозможно в грязную погоду. В Бочкареве я видел эти ангары, построенные в 1936 г. и стоявшие в таком виде, при этом ничего не предпринималось для окончания их постройки, а рядом самолеты стояли на открытом воздухе. Конечно, участники заговорщической организации с своей стороны никаких мер не принимали; достаточно было бы простого посещения БЛЮХЕРОМ 50 АБ, чтобы немедленно обнаружить это вопиющее - нахальное вредительство и исправить его. Но никто не ожидал БЛЮХЕРА, никто не боялся, что он может неожиданно нагрянуть и притянуть к строгой

ответственности виновников.

Подобный же характер имело вредительство заговорщиков и в 51 АБ в Спасске, где авиационные бомбы, сложенные прямо на земле и находившиеся под открытым небом портились и даже частично вросли в землю; в таком положении хранились бомбы не только на складах, но так хранился и первый эшелон бомб, который должен был быть подвешен к самолетам по тревоге. И здесь такое положение с хранением авиационных бомб было видно простым невооруженным глазом, как явное вредительство. Если бы заговорщики, ответственные за это дело (ЛАПИН, ГЛАЗУНОВ - быв. к-р. 51 АБ), опасались внезапного посещения БЛЮХЕРА и возможного наказания виновных, то очевидно они вынуждены были бы принять хотя бы какие нибудь меры для сохранности бомб; но этого никто не опасался. Особенно много вредительских актов подобного открытого характера было допущено военно-заговорщической организацией в укрепленных районах. Было бы, например, достаточно посещения хотя бы одного Барабашского укрепленного района, чтобы выявить последствия этой вредительской деятельности заговорщиков. Связи между пулеметными точками нет не только подземной, но и воздушной (на столбах) поражаемое пространство перед точками так заросло высокой травой и кустарником, в которых могут скрываться целые танковые части, что очистить это пространство быстро при внезапно возникших военных действиях невозможно, полевое фортификационное доустройство не сделано нигде, ходов сообщений к точкам нет, так что они последние во время боя будут отрезаны от сообщения

с тылом, и так далее. Конечно, простое посещение укрепленных районов немедленно выявило бы эти вопиющие недостатки и должно было бы повлечь устранение их и привлечение к ответственности виновных. Однако, в 1937 г. БЛЮХЕР не посетил ни одного укрепленного района, мне передавали, что не был он в укрепленных районах и в 1936 году. Ясно, что при таком положении вещей, например, комендант Барабашского укрепленного района заговорщик ГАВРО мог целый год держать в складе 11 километров бронированного подземного кабеля и не укладывать его, несмотря на то, что его укрепрайон в наибольшей степени страдал отсутствием связи.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что отрыв БЛЮХЕРА от частей, непосещение им частей давало возможность заговорщикам не опасаться провала в своей подрывной работе, давало возможность более беззастенчиво и открыто проводить свою разрушительную работу, чем это было бы возможно при активном посещении и контроле частей со стороны командующего ОКДВА БЛЮХЕРА.

Одной из характерных особенностей работы БЛЮХЕРА, определяющих целиком стиль руководства армией с его стороны, является его бездеятельность и бюрократический метод руководства через бумагу. Наряду с этим БЛЮХЕР совершенно не контролирует выполнение своих приказов и распоряжений.

Я уже докладывал выше, что при приезде БЛЮХЕРА в Хабаровск из Москвы в январе 1937 г., после получения соответствующей взбучки, он более аккуратно стал ходить

на работу и поздно засиживаться в штабе. Однако за этим вовсе не последовало какое либо существенное изменение в стиле руководства. Я вскоре заметил, что БЛЮХЕР у себя в кабинете занимается в основном чтением целого потока бумаг и накладыванием резолюций. БЛЮХЕР как-то в шутку похвастался, что вот, мол, какие у него на пальцах появились мозоли от ручки, так много приходится писать.

Я вскоре убедился, что в проработке "бумаг" БЛЮХЕР вовсе не интересуется какие из них важные, какие второстепенные. Такой стиль работы и руководства армией безусловно был наруку нашей заговорщической организации, так как нам давалась возможность предоставить Маршалу заниматься бумагой, а самим заниматься "делом". Так оно по существу и получилось.

БЛЮХЕР имел обыкновение по долгу мариновать вопросы и не принимать решений; бывали вопросы, которые требовали срочного разрешения, но БЛЮХЕРОМ они так долго мариновались, что упускались всякие сроки и вопрос вообще оставался неразрешенным.

Темпы работы у БЛЮХЕРА были самые черепашьи, граничащие с полной бездеятельностью.

Наряду с этим я должен отметить неспособность или нежелание БЛЮХЕРА вникнуть в каждый вопрос и при слабой информации о действительном состоянии армии, решения БЛЮХЕРА естественно приобретали формально бюрократический характер. Всеми этими особенностями стиля работы БЛЮХЕРА мы широко пользовались, или проводя самостоятельно от БЛЮХЕРА мероприятия в интересах организации, или предо-

сталвяя мариноваться вопросам, требующим срочного решения.

Могу привести примеры в ряде случаев, как видно будет, касающиеся весьма важных вопросов. Так после июньского пленума (1937 г.) Военного Совета при Наркоме Обороне была дана директива Военным Советам округов очистить армию, и в первую очередь авиацию от политически чуждого командного и начальствующего состава путем их увольнения из армии. С целью не допустить увольнения из армии своих людей, сохранения в армии, наоборот, антисоветских элементов, с целью ослабления армии путем широкого увольнения из армии командного и начальствующего состава, я решил забрать все это дело в свои руки и выполнять его совместно со своими сообщниками ВАЙНЕРОСом, ДРЕЙМАНОМ, СКВОРЦОВЫМ, с САДОВНИКОВЫМ и ИВАНОВЫМ (последние двое были в разное время военными штаба ОКДВА).

Я уговорился с БЛЮХЕРОМ, что возьму всю предварительную проработку в свои руки, буду составлять приказы и давать ему на подпись. БЛЮХЕР охотно согласился с этим и только просил, чтобы на приказах сперва была бы моя подпись. Вся кампания по очистке армии и была проведена так: БЛЮХЕР пачками подмахивал приказы, целиком доверяясь мне, и ни разу не интересовавшись даже хотя бы тем, какие общие количественные результаты получаются от этой кампании. А результатом было то, что к моменту моего отъезда из ОКДВА (X-1937 г.) было

уволено из армии около 3000 человек командно-начальствующего состава, большинство которых было уволено по совершенно несуществующим признакам. Таким образом, бездеятельность БЛЮХЕРА и отсутствие с его стороны какого либо интереса к увольнениям из армии было использовано нашей военно-заговорщической организацией полностью в своих интересах. Более подробные показания по этому вопросу я дал следствию в Москве.

Подобным же образом нашей организацией было захвачено в свои руки все войсковое строительство ОКДВА в 1937 году; захватывать собственно говоря и нечего было, так как БЛЮХЕР с большим удовольствием отдал в мои руки наблюдение за войсковым строительством и сам отстранился от этого дела, особенно в первую половину 1937 года. И это несмотря на раскрытие органами НКВД широкого вредительства в этой области в 1936 г. под руководством заговорщика быв.нач. строительного отдела КАЩЕЕВА. Пока к августу месяцу не обозначился катастрофический прорыв в области войскового строительства, БЛЮХЕР палец о палец не ударил для выправления положения. Только в августе месяце он начал вникать в положение со строительством, провел ничего не давшее строительное совещание, а затем вскоре охладел забросил наблюдение за строительством и сосредоточил всю свою энергию на распрях с центром и Крайкомом. Между тем, необходимо было принять срочные конкретные мероприятия по каждой стройке и упорядочить строительство

у себя (например, наладить работу лесопильных и кирпичных заводов). Этого как раз БЛЮХЕРОМ сделано не было, ^{не} тем ~~менее~~ это было сделано, конечно, участниками заговорщической организации. Таким образом, строительство и в 1937 г. было полностью провалено нашей заговорщической организацией при попустительстве и бездеятельности со стороны БЛЮХЕРА. И по этому вопросу я давал подробные показания следствию в Москве.

Приведу еще следующий пример: кажется в августе 1937 года Наркомом ВОРОШИЛОВЫМ была дана подробная директива по организации и проведению ряда мероприятий по ликвидации последствий вредительства. Добросовестное проведение в жизнь этой директивы безусловно требовало самого детального ее обсуждения и особенно самых серьезных организационных мер для развертывания работы по ликвидации последствий вредительства во всех областях. Конечно, не в интересах нашей заговорщической организации было выполнение указанной директивы Наркома. Поэтому я лично решил никаких предложений не давать и подождать, что предпримет БЛЮХЕР, будучи в полной уверенности, что ничего существенного он не предпримет.

БЛЮХЕР собрал руководящих работников штаба и отделов управления ОКДВА и дал директиву им составить конкретный план ликвидации последствий вредительства, а начальнику штаба свести все эти планы в единый план. Было решено, что военный совет ОКДВА будет периодически заслушивать доклады начальников отделов и командиров соединений о

ходе ликвидации вредительства.

В результате начальник штаба представил механически скроенный сводный план, что также механически было утверждено военным советом ОКДВА.

За все время моего пребывания в ОКДВА был заслушан один раз очковтирательский доклад ИНГАУНИСА о ходе ликвидации последствий вредительства в авиации ОКДВА и на этом вся борьба за это дело была окончена.

План остался на бумаге, за выполнением его никто не следил, и, таким образом, важнейшая директива Наркома Оборонны была выполнена только на бумаге, а по существу вовсе не выполнена, так как заговорщики ее не выполняли, пользуясь попустительством и бездеятельностью БЛЮХЕРА.

Если, что реального было сделано в этой области, так это посылка специальной комиссии в укрепленные районы, где эта комиссия вскрывала конкретные последствия вредительства в укрепленных районах, по возможности добивалась, устранения этих последствий на месте, или же оставляла ряд конкретных указаний комендантам укрепрайонов. Но эта комиссия была организована не по инициативе командования ОКДВА, а по указанию центра и включала в себе представителя центра. И здесь не был организован контроль за выполнением указаний комиссии комендантами укрепрайонов. Что получилось в результате работы этой комиссии я сказать не могу, так как отбыл из ОКДВА, а затем был арестован.

Могу привести пример невыполнения еще одной важной директивы Наркома о принятии целого ряда мероприятий по

укреплению пищевого блока в частях. И по этой директиве необходимо было провести ряд организационных мероприятий: установление определенной системы контроля за приготовлением пищи, упорядочение способа хранения и транспортировки продуктов, особенно мяса и т.д. Пользуясь тем, что БЛЮХЕР не вникнет в дело и не возьмется за серьезное выполнение директивы Наркома, иначе говоря пользуясь попустительством и бездеятельностью БЛЮХЕРА, я решил ограничиться отдачей приказом формального повторения директивы Наркома.

Соответствующий приказ был составлен, подписан БЛЮХЕРОМ и "спущен" в части; приказ этот не был ничем обеспечен, не было организовано контроля за его выполнением. По существу таким образом директива Наркома была выполнена лишь формально, а требование Наркома о назначении комиссаров санитарных частей полков так и осталось вовсе невыполненным, так как это дело я намеренно затянул вплоть до отъезда моего из ОКДВА.

Я должен буду остановиться на одном важном вопросе, который и в 1936, и в 1937 г. был очень большим вопросом для ОКДВА. В ОКДВА было так много чрезвычайных происшествий с многочисленными человеческими жертвами, в частности, так много пожаров, что Нарком ВОРОШИЛОВ специальной директивой обращал внимание БЛЮХЕРА на недопустимость этого явления. Он обращал внимание БЛЮХЕРА на то, что многочисленные пожары в ОКДВА не являются случайным явлением, а очевидно являются последствием

диверсионных актов и требовал принятия соответствующих мероприятий.

БЛЮХЕР передал директиву Наркома мне и попросил заняться этим вопросом. Когда я просто заинтересовался размерами чрезвычайных происшествий в ОКДВА, то сам поразился необычайно большому количеству их: достаточно указать, что одних убитых и раненых от чрезвычайных происшествий за последние 1½ года (1936г. и первый квартал 1937г.) в ОК ДВА было более 1000 человек, т.е. в 50 раз больше, чем всех потерь от всех пограничных столкновений. Когда я сообщил об этом БЛЮХЕРУ, то для него такое положение с чрезвычайными происшествиями было абсолютной неожиданностью. С чрезвычайными происшествиями никакой борьбы не велось; участники организации, наоборот, поощряли чрезвычайные происшествия (пожары, обмороживания, непринятие мер безопасности на стройках). В руководстве ОКДВА ни АРОНШТАМ раньше, ни САНГУРСКИЙ, ни я впоследствии, естественно, не организовывали никакой борьбы в армейском масштабе с чрезвычайными происшествиями, в частности, пользуясь тем, что БЛЮХЕР находился в полном неведении в том, что творится в этой области в армии и это несмотря на то, что все донесения о чрезвычайных происшествиях сосредотачиваются в штабе ОКДВА, а сводки Особого отдела НКВД о чрезвычайных происшествиях БЛЮХЕР получал в первую очередь.

Во исполнение указанной выше директивы Наркома был составлен, подписан и "спущен" в части очередной приказ

по ОКДВА и на этом дело ограничилось.

И после этого приказа количество чрезвычайных происшествий не уменьшилось, в частях ОКДВА.

Я привел примеры, характеризующие то, каким образом БЛЮХЕР выполнял прямые важнейшие директивы, даваемые непосредственно Наркомом ВОРОШИЛОВЫМ - директивы эти БЛЮХЕРОМ выполнялись лишь на бумаге, что уже является невыполнением, но так как он при выполнении этих директив проявлял фактическую бездеятельность, то наша заговорщическая организация срывала даже это формальное их выполнение.

Вот подобным образом мы пользовались попустительством и бездеятельностью БЛЮХЕРА при проведении в жизнь своей подрывной работы во всех областях строительства и подготовки ОКДВА.

Небольшой частный пример. После разоблачения ЛАПИНА, как заговорщика, БЛЮХЕР неоднократно в своих выступлениях приводил примером вредительской деятельности ЛАПИНА постройку подземных бетонированных ангаров.

В Хабаровске было построено кажется четыре таких ангара; каждый из этих ангаров, предназначенных для ТБ-3, стоит около 300.000 рублей, но самолеты там никогда не хранились, так как они построены вредительски и сейчас залиты водой, заброшены и не используются даже как складские помещения. Ангара эти были построены под носом у БЛЮХЕРА и ясно, что ЛАПИН в этом случае ловко использовал попустительство со стороны БЛЮХЕРА. Если

можно было в Хабаровске под носом у БЛЮХЕРА заговорщикам так использовать бездеятельность и попустительство со стороны БЛЮХЕРА, то что можно было сделать в отдалении от штаба ОКДВА, от БЛЮХЕРА.

Таким образом, как видно из изложенных фактов, а количество их можно умножить и их характеристики политического лица и стиля руководства БЛЮХЕРА - он не являлся для нас опасным в деле разоблачения и разгрома нашей военно-заговорщической организации в ОКДВА и не мешал подрывной работе. Более того, мы чувствовали, ясно чувствовали внутреннее, скрытое политическое сочувствие БЛЮХЕРА нашим конечным политическим целям. Я не допускаю мысли, чтобы БЛЮХЕР за много лет своего командования ОКДВА не замечал крупнейших провалов в строительстве и боевой готовности ОКДВА.

Между тем, я ни разу не замечал, чтобы БЛЮХЕР болезненно переживал эти провалы и горел бы хотя бы желанием выправить их. Наоборот, все поведение БЛЮХЕРА, характер его руководства говорят о том, что он очень хладнокровно относился к наличию ряда вопиющих недочетов в состоянии ОКДВА и такое его отношение к делу нашей заговорщической организацией использовывалось в самой широкой степени.

Этим же и объясняется такое широкое развертывание подрывной деятельности заговорщиков в ОКДВА и беззастенчивый характер этой деятельности и то, что заговорщикам удалось так широко вербовать в свою организацию командиров и лиц из начальствующего состава.

Заявляю совершенно ответственно, что в противном случае, при наличии на посту командующего ОКДВА крепкого советского человека, деятельного и умеющего оперативно и повседневно руководить армией, умеющего сплотить около себя и вокруг стоящих задач прежде всего ближайших своих помощников, а затем и весь руководящий состав штаба и соединений ОКДВА, имеющего крепкую связь с частями и массами и умеющего пользоваться самокритикой со стороны последних, при условии наличия во главе руководства ОКДВА такого лица наша заговорщическая организация не была-бы столь сильной, проводившаяся подрывная работа нашей организации была бы в значительной степени стеснена и **всегда** находилась бы под постоянной опасностью разоблачения и разгрома, круг лиц, которых мы бы сумели вербовать, был бы весьма сужен и ограничен.

(ХАХАНЬЯН)

7 августа 1938 г.
г.Хабаровск

В Е Р Н О:

Баранов